

Думать на языке танца

В День театра пермская балетная труппа показала свои умения в современной хореографии

Юлия Баталина

Буквально за две недели до открытия балетного конкурса «Арабеск» с его большим конкурсом современной хореографии Пермский театр оперы и балета показал собственные наработки в этой сфере. Совпадение, как уверяют авторы проекта, совершенно случайное, и даже то, что в двух событиях встречаются одни и те же имена, не продиктовано никакими практическими соображениями.

То, что для танцовщиков пермской балетной труппы пять молодых хореографов поставили пять миниатюр, объясняется тем, что в труппе есть немало артистов, которые на роли принцев и главных «лебедей» не претендуют в силу объективных причин, но при этом ребята они небасталанные и жаждут интересной работы.

«Вечер молодых хореографов», прошедший 27 марта, в День театра, в частной филармонии «Триумф», начался поздно, даже позже, чем было объявлено: полчаса ждали прибытия Теодора Курентзиса, и лишь после того, как он прошёл в зал, представление началось.

И началось оно прямо в фойе, где под мелодичные звуки, издаваемые хором MusicAeterna, молодой человек и девушка медленно покатили через толпу большое зеркало. «Мужчины, помогите!» — возмущённо призывала публику простодушная зрительница. «Это спектакль начался, вы что, не понимаете?!» — шикнули на неё более продвинутые соседи.

Пять хореографов, пять ансамблей солистов, пять музыкальных произведений. Хореографические миниатюры были очень разными, и в этом — их сила.

«Свет в ноябре» Павла Глухова — мужской дуэт в исполнении Александра Таранова и Дениса Толмазова, основанный на партнёринге, когда каждый из участников полностью зависит от другого; танцевальная вариация на темы «близнецового мифа», когда два тан-

цовщика взаимодействуют так плотно, что превращаются в сиамских близнецовых — существа с двумя головами и тремя ногами. Хореограф придумал много интересных, небанальных движений: Павел Глухов вообще изобретателен в том, что касается танцевальной лексики. Правда, исполнителям не всегда хватало чёткости и синхронности... Хотелось, чтобы на сцене был сам Павел Глухов, а лучше — два таких Глухова, обладателя не только креативных мозгов, но и гиперпластичного тела.

Хореограф Лилия Бурдинская, автор показанного на Дягилевском фестивале 2017 года перформанса «Распад атома», на сей раз выступила в том же жанре. В нём тоже были интересные танцевальные идеи, но всё же её «Фуншал» — это именно перформанс. Четыре танцовщика по очереди надевают то ли пальто, то ли халат, и эта деталь одежды даёт им право высказываться. Обладатель «халата рассказчика» произносит тексты, написанные самой Бурдинской, эти тексты, поначалу обаятельно лирические, постепенно превращаются в

«Поток»

одетыми в чёрное, как будто пишут — выводят медленные, причудливые

тому геометрическая структура тут, в отличие от Форсайта, простая, и это, разумеется, треугольник.

Завершает программу «Поток» Константина Кейхеля — хореографа, который, в отличие от прочих участников проекта, много работает в Перми — с театром «Балет Евгения Панфилова». В самой многолюдной из представленных на вечере миниатюр видны «фирменные» черты Кейхеля: любовь к красивой классической музыке (использована «Смерть Офелии» Гектора Берлиоза), умелое сочетание хореографии с акробатикой, талантливое выстраивание взаимоотношений между персонажами, мощная культурная «подкладка»: хотя в этой работе Кейхель менее литературен, чем обычно, какие-то общекультурные ассоциации всё равно присутствуют.

В общем, как уже было сказано, пять мини-спектаклей — очень разные и по идеологии, и по эстетике. Но какой это прорыв для хореографической ситуации Перми в целом! Немало уже лет приходится говорить танцующему сообществу города: мало хотеть высказываться на языке танца, надо владеть этим языком — владеть на современном уровне. Пять хореографов, приглашённых к сотрудничеству продюсером Анастасией Колчановой, показали умение и говорить на языке танца, и мыслить на нём. Созданные ими миниатюры имеют право на дальнейшую жизнь — и в качестве отдельных концертных номеров, и все вместе, в составе камерного балетного вечера.

Пять мини-спектаклей — очень разные и по идеологии, и по эстетике. Но какой это прорыв для хореографической ситуации Перми в целом!

какую-то зловещую «кафку». Пока один из четырёх участников перформанса говорит, остальные своими телами,

иероглифы. К сожалению, сценическая речь редко когда бывает сильной чертой артиста балета, и это было, увы, заметно... Кроме того, совсем непонятно, при чём здесь столица острова Мадейра.

Следующая миниатюра вознаградила заскучавших по активному танцу зрителей: выскочивший на сцену Тарас Товстюк первым же делом завис в роскошном прыжке. «Арлекинада» Софии Гайдуковой на музыку Алексея Айги оправдала заявку на танцевальность: здесь были и пунты, и сложнейшие из классических па, и броская пантомима, и актёрская игра. В роли Коломбины Ляйсан Гизатуллина обдала зал волной кокетства: стреляла глазками в зрителей, раздавала воздушные поцелуи. И, похоже, не зря: публика ответила оглушительными аплодисментами.

Aheym Константина Матулевского — это камерный вариант модного полифонического балета, виднейшим представителем которого является Уильям Форсайт, с классической отточенностью линий и их сложными переплетениями. Правда, здесь всего три персонажа, поэ-

«Свет в ноябре»